

Lekov, Ivan

К вопросу о средствах выражения субъективной модальности в русском и болгарском языках : (на фоне соотношения объективной и субъективной модальностей)

In: *Otázky slovanské syntaxe. III, Sborník symposia "Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích"*, Brno 27.-30. září 1971. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1973, pp. 185-189

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120852>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

(На фоне соотношения объективной и субъективной модальностей)

В возросшем в последнее время интересе к проблеме языковой модальности наблюдается, с одной стороны, стремление к разграничению объективно-выраженной от субъективно-выраженной модальности, а, с другой, — тенденция к еще не полностью осуществленной современной систематизации средств выражения этих двух видов модальности. И сразу же следует отметить большее разнообразие и сложность средств выражения субъективной модальности, как и те значительные трудности, которые возникают при попытке их структуризации.

Как показывает в первую очередь новейший труд, посвященный грамматике современного русского литературного языка,¹ субъективная модальность, в отличие от объективной, обладает большим количеством средств выражения (преимущественно лексических) и проявляется в основном в области периферийного стиля в пределах разговорной речи.² В общей сложности подобное утверждение справедливо как и в отношении болгарского языка, так и в отношении других славянских языков.

Различия между ними следует искать не только в семантике средств выражения и связанных с ними интонационных признаках, а в их — специфических для каждого языка — лексических вариантных отличиях.

В весьма подробном анализе средств выражения субъективной модальности русского языка, который проводится в цитированной выше грамматике,³ выступает утверждение, что интонация представляет собой универсальный признак самых разнообразных субъективно-модальных значений (стр. 611), и в то же время подчеркивается обстоятельство, что порядок слов, не являющийся универсальным средством, связан с интонацией. Кроме этого там же отмечается, что интонация часто индифферентна к субъективно-модальному значению, т. е. что она может нейтрализоваться и, следовательно, один и тот же ее вариант может использоваться для выражения нескольких значений. При этом положении вещей на мой взгляд можно сделать следующий вывод: интонация присутствует при всех значениях в качестве немонолитного ДП, но ее варианты до сих пор еще не изучены в соотношении с разными значениями. При этом и связи между порядком слов и интонацией установлены все еще лишь в общем виде, а не конкретно и позиционно-дифференцированно.⁴

¹ Ср. *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва, 1970, 611.

² В качестве средства выражения объективной модальности в первую очередь принимаются наклонения — условное, желательное, побудительное.

³ Цит. соч. 611—614.

⁴ Ср. Е. А. Брыгаунова, *О смысловых различиях в возможности русской интонации*, ВЯ 4 (1971), 42—52.

Единственный общевалидный объединительный признак субъективной модальности — это так называемое подчеркивание в качестве совокупности ДП, среди которых выступают логико-эмоциональные, формально-интонационные и позиционные (в порядке слов) акценты. Вот почему подчеркивание представляет собой своеобразную актуализацию, более общий и более широкий комплексный ДП, который подчиняет себе и включает в свой состав как порядок слов, так и интонацию. Если принять такое представление в отношении иерархии ДП в парадигме субъективной модальности, можно прийти к более полному согласованию с ее не только формальной (интонационной), но и смысловой (грамматической) обусловленностью.

Подчеркивание вносит дополнительную информацию модального характера. При помощи интонации оно становится фактором на уровне речи, и его можно было бы рассматривать и в качестве промежуточного звена между интеллектуальным и эмоциональным содержанием высказывания. По своей природе и сущности подчеркивание является семантическим явлением, а не следует забывать, что семантика всегда подлечит субъективной оценке. Статус этого основного средства выражения субъективной модальности напоминает статус обособленных частей речи. На мой взгляд подчеркивание является содержательным, а интонация — формальным средством выражения.⁵

Мне представляется, что подчеркивание соответствует прежде всего частицам и модальным словам в качестве средств его выражения, и, так как они ближе всего к междометиям, следует, что субъективная модальность представляет собой преимущественно периферийную грамматическую область.

Таким образом, подчеркивание бы следовало рассматривать как категориальный ДП парадигмы субъективной модальности. Члены этой парадигмы имеют часто свои соотносимые варианты признаки: *уверенность — неуверенность, согласие — несогласие, сомнение — несомненность, договоренность — недоговоренность, колебание, ирония, оценка, усиление утверждения, отрицание* и др., но все они подчинены подчеркиванию, осуществляемому комплексными средствами, среди которых большую роль играет не всегда дифференцированная для отдельных вариантов интонация. Остальные средства подчеркивания — самые разнообразные, но все они имеют структуру, соответствующую усилению: активная грамматикализация (глагол в императивной форме),⁶ количественные слова, повторения (слов и отрицания), вводность (чаще всего вступительная), междометный сигнал и пр.

Интересно отметить, что еще В. Матезиус⁷ пользовался понятием и термином „подчеркивание“ (эмфаза) в качестве синтаксического явления, которое он стремился отграничить от „усиления“ (интенсификации), присущей по его мнению ономотологии. Устанавливая отличие между

⁵ Это показывает, что субъективная модальность осуществляет единство содержания и формы.

⁶ В этом единственном случае границы субъективной и объективной модальности пересекаются.

⁷ Ср. V. Mathesius, *Zesllení a zdůraznění jako jevy jazykové*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 203—223.

этими двумя языковыми приемами, он с основанием отмечал, что иногда их средства выражения совпадают, т. е. подлежат нейтрализации. Между прочим, Матезиус расширяет область фонетических средств эмфазы, включая в нее и вокалические сверхудлинения, которые игнорируются в более поздних трудах (в том числе и в Русской грамматике, о которой шла речь выше).

Мне представляется, что рассуждения В. Матезиуса, несмотря на то, что они не относятся непосредственно к проблеме модальности, надо свести к признанию диалектической относительной автономности подчеркивания и усиления; при этом первое из них имеет более широкий смысл, а второе является только его параллельным средством и дополнением, но не всегда связано с субъективной модальностью.

Между ОМ и СМ, как впрочем и между ярусами языка (и даже между предложением и высказыванием), нет никакой непреодолимой преграды, потому что противопоставление их средств выражения, хотя и в малочисленных случаях, подвергается нейтрализации, как например в использовании императивных форм, синтаксических частиц и т. д. Вот почему необходимо сопоставление схем структурных организаций обеих модальностей.

Но прежде всего нужно вообще определить границы категории модальности как свойство предикации (сочетавшей два плана — реального и ирреального). От этого следует, что ОМ объединяет не только синтаксических времен и модальных наклонений, но также и синтаксический индикатив. Такое состояние вещей позволяет включения новых понятий в обиход — маркированная (периферийная) модальность — относительно СМ и немаркированная, или ОМ.

В связи с тем структурные черты ОМ и СМ по моему могут найти выражение в следующих моделях:

ОМ

- А. Категориальный признак (общее значение)
 - 1. Отношение сообщения к отрезку действительности
- Б. Объединительный ДП (в плане содержания)
 - 1. Грамматическое (темпоральное и модусное) подчеркивание (определенности ~ неопределенности)
- В. ДП семантической парадигмы как градационная система возрастания признака
 - 1. Возможность — желательность
 - 2. Долженствование — требование
- Г. Члены грамматической парадигмы
 - 1. Система синтаксических времен
 - 2. Система наклонений
- Д. Средства выражения
 - 1. Глаголы в синтаксическом настоящем времени
 - Глаголы в синтаксическом прошлом времени
 - Глаголы в синтаксическом будущем времени

2. Синтаксическое изъявительное наклонение
Синтаксическое условное наклонение
Синтаксическое желательное наклонение
Синтаксическое повелительное наклонение
3. Синтаксическая частица (как в СМ!)

СМ

А. Категориальный признак (общее значение)

1. Отношение говорящего к сообщению, т. е. метаязыковая, конотативная (дополнительная) функция признака

Б. Объединительный ДП (в плане содержания)

1. Лексикально-экспрессивное подчеркивание

В. ДП семантической парадигмы, которая есть открытая и составляет прежде всего систему противопоставлений по признаку присутствия или отсутствия

1. Уверенность — неуверенность
2. Сомнение — несомненность
3. Согласие — несогласие (одобрение — неодобрение)
4. Договоренность — недоговоренность
5. Обычайность — внезапность
6. Экспрессивная оценка и др.

Г. Члены комплексной формальной парадигмы

1. Специальные разновидности конструкций, невключенные в систему, с грамматической нерелевантной формой, но с субъективно-модальным значением

Д. Средства выражения (разных уровней: фонетично-фонологического, грамматического, стилистического, экспрессивного)

1. Интонация
2. Повелительное наклонение (как в ОМ!)
3. Повторения слов
4. Частицы, междометия, модальные и вводные слова

С точки зрения статистики после частиц, модальных слов и междометий по их частотности занимают место повторения слов в положительном или отрицательном смысле, в контактном или дистантном порядке, и затем остальные, более несистемные случаи и, прежде всего, слова с количественным семантическим содержанием. Это дает возможность подразделить средства выражения субъективной модальности на две категории — первая семантическая категория прямо эмфатическая, а вторая — семантико-эмфатическая. Обе эти категории в русском языке обычно имеют дословные и редко только смысловые эквиваленты в болгарском языке. При сравнении этих двух родственных языков в этом отношении не наблюдается никаких неожиданностей: оно показывает почти полное соответствие. Так например, в синсемантической группе болгарские соответствия приведенных в новейшей Русской грамматике⁸ примеров, дословно те же: *едва ли (не), сякаш,*

⁸ См. *Грамматика современного русского литературного языка*, 614.

точно, що ли, като че ли, именно, дори, даже, и, пък, просто; ах, ох, о; трас, бау, бух; наистина, вероятно, изглежда, можеби, наглед, видимо; за щастие, за съжаление и др.; в автосемантической группе болгарские примеры опять-таки могут полностью совпадать с русскими: *много ти помагаше той; концерт — не концерт* (а нечто повече), *море като море; гледай да не закъснееш; тя плака, плака бързо, бързо се приготвил; той не е могъл да не знае това* (калькирование с французского, может быть посредством русского). Немногочисленные формальные различия типа русского этического датива: *иди себе!* или *давай!* или словообразовательные частицы *-ка, -то* (в болгарском языке — *върви си! хайде! -де, -бе, -ма* и др.) делают группу смысловых эквивалентов более разнообразной.

Что же касается отношений порядка слов, их нельзя считать особенно значительным дифференциальным фактором, так как подчеркивание свободно по дистрибуции. Правда, оно обычно встречается в начальной позиции, но иногда бывает и в других, избегая конечные. Можно предполагать, что это унаследованная праславянская тенденция. Повидимому, начальная позиция — привилегия синсемантических элементов (междометий, частиц), а средняя — вводных слов и предложений. Но в общей сложности, дистрибуционная свобода подчеркивания предопределяет и преобладающую свободу порядка слов и частей речи в качестве средства его выражения.

